

**НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

ШУВАЛОВ Игорь Иванович

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», г. Москва, Россия. E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Цель: в статье проведен анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации с позиции их влияния на правовое регулирование инвестиционной деятельности. **Методы:** автором применялись методы буквального толкования, телеологического (целевого) толкования правовых норм, анализа, индукции и дедукции. **Результаты:** отмечено, что большинство крупных инвестиционных проектов предполагают следующую модель взаимодействия инвесторов и реципиентов: первичное согласование примерных условий взаимодействия и заключение основной массы необходимых для реализации проекта гражданско-правовых договоров уже на втором этапе сотрудничества. В связи с этим отдельное внимание уделено таким гражданско-правовым договорам, как предварительный договор и рамочный договор. С позиции своего рода «гарантии» прав инвестора и реципиента капитала названы институт соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, иначе именуемого опционом на заключение договора, а также опционный договор. В статье сделан вывод о повышении значимости принципа защиты «слабой» стороны договора. При этом существенное изменение претерпела сама концепция законодательного регулирования отношений сторон договоров, которые часто используют как инвесторы, так и реципиенты капиталовложений. Автор подчеркивает, что «продолжниковская» ориентация российского законодательства постепенно корректируется путем формирования многочисленных исключений в сторону большей защиты прав кредиторов. Такое решение призвано соблюсти принцип сбалансированности экономических интересов сторон правовых отношений.

Ключевые слова: гражданское законодательство; инвестиционная деятельность; инвестор; реципиент; гражданско-правовые договоры; корпоративное право; банкротство.

Современное гражданское законодательство, хотя и не содержит прямого указания на инвестиционную деятельность как на предмет регулирования гражданского законодательства, применяется и к инвестиционным отношениям.

Во-первых, под действие гражданского законодательства однозначно подпадает предпринимательская деятельность с участием государства и муниципальных образований, в том числе деятельность по привлечению инвестиций¹.

Во-вторых, к предмету действия гражданского законодательства относятся нормы корпоративного права, которые регулируют отношения, в том числе в сфере оборота прав участия в уставном капитале корпоративных юридических лиц (акций, долей, паев), что также является одной из форм инвестирования.

В-третьих, нормами ГК РФ регулируются абсолютные правоотношения инвесторов-собственников (и иных обладателей имущественных прав на объекты недвижимости) с государством, обладателями имущественных прав на соседние объекты недвижимого имущества и третьими лицами.

В-четвертых, договоры, регулирующие отношения инвесторов и реципиентов капитала, априори подпадают под действие положений гражданского законодательства. Принцип свободы договора предполагает, в том числе заключение смешанных договоров и непоименованных договоров, к которым относится большинство договоров между инвестором и реципиентом.

Большинство крупных инвестиционных проектов предполагают следующую модель взаимодействия инвесторов и реципиентов: первичное согласование примерных условий взаимодействия и заключение основной массы необходимых для реализации проекта гражданско-правовых договоров уже на втором этапе сотрудничества².

Так, ГК РФ предусматривает предварительный договор (ст. 429), обязывающий стороны заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных этим предварительным договором; рамочный договор, иначе называемый договором с открытыми условиями (ст. 429.1), определяющий общие условия будущих обязательственных взаимоотношений сторон, которые подлежат конкретизации и уточнению сторонами путем заключения отдельных договоров или иным образом на основании

¹ Еще в советские годы классик советского международного частного права Л.А. Лунц отмечал: «Доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частноправовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений – тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета» (Лунц Л.А. Курс международного частного права. Особая часть. М. : Юридическая литература, 1975. С. 4).

² В качестве примера см. Соглашение от 17.05.2019 № 100 о намерениях по реализации инвестиционного проекта между Правительством Московской области и обществом с ограниченной ответственностью «СИГМА». URL: <https://mosreg.ru/download/document/994750>.

либо во исполнение рамочного договора. К отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, применяются общие условия рамочного договора, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства.

Также в качестве своего рода «гарантии» прав инвестора и реципиента капитала можно назвать условные сделки (под отлагательным и отменительным условиями). Однако проблема их использования в инвестиционной деятельности состояла в неопределенности юридической допустимости «потестативного условия» (условия, целиком или полностью зависящего от другой стороны) в такого рода сделках [1, с. 202–211]. В определенном смысле альтернативой стало введение института соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, иначе именуемое опционом на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ), а также опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ). Наконец, вступила в юридическую силу ст. 327.1 ГК РФ, легализовавшая обусловленное исполнение обязательств, в том числе условиями, полностью зависящими от одной из сторон.

Однако подходы остаются неоднозначными как в доктрине, так и в судебной практике³. Возникают квалификационные трудности в отделении в каждом случае потестативных условий условной сделки от встречного договорного обязательства. Например, В.В. Витрянский считает ошибочным подход, согласно которому договоры, предусматривающие обусловленное исполнение обязательств, отождествляются со сделками с отлагательными (отменительными) условиями [2]. А.Г. Карапетов, напротив, считает, что проблема решена именно с вступлением в юридическую силу ст. 327.1 ГК РФ [5].

Следует отметить, что отсутствие правового регулирования ведет к перехвату инвестором инициативы в определении условий сделки. Во избежание этого гражданское законодательство серьезно повысило значимость принципа защиты «слабой» стороны договора.

Существенное изменение претерпела сама концепция законодательного регулирования отношений сторон договоров, которые часто используют как инвесторы, так и реципиенты капиталовложений: договоры, сконструированные по модели договоров присоединения; договоры, заключенные на основе предварительных договоров; договоры, заключенные на основе типовых условий; рамочные договоры. При этом сторона договора, формирующая его условия, старательно подчеркивала в текстах

³ Например, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд квалифицировал условия, являющиеся результатом действий третьих лиц как потестативное условие (постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2019 № 11АП-10833/2019 по делу № А65-41153/2018).

договоров право другой стороны на его расторжение и изменение его условий или вообще включала в договор прямое указание на отсутствие юридической характеристики договора присоединения. В результате сторона, фактически лишённая возможности внести изменения в текст договора, лишалась и прав, предоставленных законодательством стороне, присоединяющейся к договору.

ГК РФ указал на то, что договор, условия которого определены исключительно одной из сторон, тогда как другая сторона в силу очевидно неравенства переговорных возможностей не имеет возможности согласовать иные условия такого договора, является договором присоединения⁴. В свою очередь, судебная практика⁵ позаимствовала из Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА правило *contraproferentem* – о приоритете толкования договора не в пользу стороны, сформировавшей его условия⁶.

Вместе с тем нельзя не отметить и противоположной тенденции: ставшая практически *locuscommunis*⁷ «продолжниковская» ориентация российского законодательства (защита «слабой» стороны договора, более выгодное положение обычного физического лица по сравнению с физическим лицом – субъектом предпринимательской деятельности) постепенно корректируется путем формирования многочисленных исключений в сторону защиты прав кредиторов. Такое решение призвано соблюсти принцип сбалансированности экономических интересов сторон правовых отношений.

Очевидно и то, что чрезмерная «патерналистская» защита должника российским законодательством в конечном счете приведет к снижению заинтересованности потенциальных инвесторов – сотрудничество с лицом, которое пользуется своего рода иммунитетом от судебного преследования и останется фактически безнаказанным при неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязательств, проигрывает перспективе взаимодействия с лицом, не обладающим такими привилегиями. Это повлечет за собой если не отказ от заключения сделок, то заметное удо-

⁴ См. п. 3 ст. 428 ГК РФ в редакции ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ.

⁵ Решение МКАС при ТПП РФ от 26.06.2015 по делу № 206/2014; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.09.2019 № 09АП-43911/2019 по делу № А40-246928/2017.

⁶ Очевидно, что такое понимание распространяется не только и не столько на заключенные инвестором и реципиентом капитала договоры присоединения, но и на остальные договоры, условия которых формулирует исключительно или преимущественно одна сторона – например, договоры, заключенные по результатам тендера. Безусловно, в качестве такового может рассматриваться договор, составленный не только реципиентом, но и инвестором.

⁷ Общее место (лат).

рожение процедур их заключения, что неминуемо отразится на стоимости товаров и услуг для потребителя.

Дополнительным катализатором изменений такого подхода стало предоставление ФНС права залога на арестованное по налоговым долгам имущество должника. В 2020 г. вступили в юридическую силу поправки в Налоговый кодекс РФ, в соответствии с которыми ФНС приобретает право залога на арестованное по налоговым долгам имущество должника. Очевидно, что заинтересованность государства в определенном решении данного вопроса окажет влияние на содержание правового регулирования в целом. Ввиду того, что гражданское законодательство приравнивает реципиентов капитала к обычным участникам гражданского права, суды будут вынуждены унифицировать подходы к решению этого вопроса именно в пользу унификации правового статуса кредитора.

Такое нововведение объясняется неуклонным снижением процента удовлетворенных требований кредиторов при банкротстве должников. Так, в январе-сентябре 2019 г. доля погашенных требований незалоговых кредиторов банкрота составила 2,4 % (против 4,2 % в 2018-м), залоговых – 32,4 % (против 38,6 %) ⁸. При этом субсидиарная ответственность субъектов гражданского права по российскому гражданскому законодательству существенно ужесточилась за счет доктрины «снятия корпоративной вуали», а также за счет отказа российских арбитражных судов от формализма при определении наличия контроля одного лица за другим, что выразилось в преобразовании фактической связи между юридическими лицами холдинга в юридически значимый факт, оказывающий влияние на содержание судебных решений. Нельзя не отметить и тот факт, что банкротство чаще всего не является показателем реального финансового состояния холдинга ⁹.

В современном гражданском законодательстве повышен уровень правовой защиты добросовестных приобретателей недвижимого имущества. Вряд ли откровением станет то, что значительная доля инвестиций осуществляется путем приобретения недвижимого имущества – приобретатель недвижимости, который ознакомился с данными государственных реестров и основывался на этой информации, предполагается добросовестным приобретателем, пока в судебном порядке не доказана его осведомленность (предполагаемая осведомленность) об отсутствии права на приобретаемое им недвижимое имущество у отчуждателя имущества в его пользу ¹⁰.

⁸ См.: Борьба за банкрота. Юридическое бизнес-тематическое приложение к газете «Коммерсант» 12 ноября 2019 № 207 (6687 с момента возобновления издания).

⁹ Позволяя выплачивать только 5–10 % задолженности, процедура банкротства используется для уклонения от налогов и избавления от обязательств.

¹⁰ Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 286.

Кроме того, органы государственной власти (местного самоуправления) утратили, в соответствии с новой редакцией ч. 4 ст. 302 ГК РФ, право истребовать жилое помещение у добросовестных приобретателей – частных лиц с истечением срока исковой давности (три года) с даты регистрации права собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения. По общему правилу гражданского законодательства (ч. 2 ст. 199 ГК РФ), применение исковой давности возможно исключительно по заявлению ответчика в суде первой инстанции¹¹. Применительно же к норме ч. 4 ст. 302 ГК РФ суд обязан это сделать в любом случае, независимо от факта подачи заявления о применении исковой давности от ответчика по данному иску.

Еще ранее был законодательно расширен перечень имущественных прав, которые были отделены законодателем от вещных прав. Такими стали права на безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права, причем перечень имущественных прав остался открытым¹².

Вместе с тем российское гражданское законодательство пополнилось новыми организационно-правовыми формами юридических лиц и новыми видами договоров, регулирующих объединение активов без образования юридического лица.

Эти изменения направлены на оптимизацию правовых форм сотрудничества по российскому праву с целью достижения максимальной свободы усмотрения сторон. Стоит отметить, что данная тенденция наблюдается во многих странах¹³.

В частности, заслуживает внимания норма ч. 9 ст. 67.2 ГК РФ, предоставляющая третьим лицам право заключать с обладателями корпо-

¹¹ Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43. «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Российская газета. 2015. 5 окт.

¹² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 20 марта.

¹³ Например, среди субъектов частного права Испании существует большое количество форм ведения хозяйства, которые не соответствуют критериям юридического лица, однако имеют определенную автономию в техническом смысле (например, сообщество сосопственников (*lascomunidadesdebienes*), сообщество собственников горизонтальной собственности на недвижимое имущество (*lascomunidadesdepropietariosenrégimendepropiedadhorizontal*), временные объединения (*lassociedadesirregulares*) и т. д.). В соответствии с положениями ст. 392 ГК Испании данные сообщества возникают автоматически при неделимости предмета, находящегося у лиц в совместной собственности (см.: LuisDíez-PicazoyAntonioGullón, *Sistemade derechocivil*: vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.), Madrid, 2001).

ративных прав договор, обязывающий их действовать в интересах этих третьих лиц.

Любопытно при этом, что лоббистская деятельность в органах государственной власти не получила законодательного закрепления на федеральном уровне (оставаясь одной из немногих сфер усмотрения исключительно субъектов Российской Федерации), зато, очевидно, нашла воплощение на федеральном уровне в праве гражданском, которое декларирует невластный характер регулируемых им отношений¹⁴. Это косвенно подтверждает теорию, высказанную итальянским исследователем Уго Пагано (Pagano) о том, что правовой статус юридических лиц произведен от государства¹⁵.

Современное гражданское законодательство, несмотря на то, что одним из частных проявлений принципа свободы договора является свобода выбора сторонами видов договора, систематически пополняется новыми видами договоров, в том числе теми, которые представляют собой переходную форму между договорной и корпоративной формой сотрудничества. Это, прежде всего, корпоративные договоры и договор об инвестиционном товариществе.

Стоит отметить, что разнообразие правовых форм сотрудничества государства и инвесторов проявляется и в создании территорий с особым режимом осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (ОЭЗ, ТОРы, ТОСЭРы, наукограды, технопарки). И хотя основной юридический *raison d'être*¹⁶ этих территорий лежит в сфере действия публичного права (финансовое, бюджетное, налоговое законодательство), именно нормами гражданского законодательства регулируются отношения по предоставлению государственной поддержки резидентам

¹⁴ Как справедливо отмечает С.А. Зинченко, «законодатель предпринял попытку включить в корпоративный договор лиц, не являющихся членами корпорации. Статус этих лиц несколько иной, но тем не менее их интерес и право влияют на управленческие решения общества. Договор с их участием предусматривает определенное голосование (воздержание от него) при принятии решения собранием общества. Однако в голосовании они непосредственно не участвуют, их волю "проводят" члены корпорации» (см. Зинченко С.А. Проблемы правового статуса хозяйственного общества и его членов, заключивших корпоративный договор // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского, Юстицинформ, 2015. С. 78–79).

¹⁵ Ugo Pagano Legal persons: the evolution of fictitious species // Journal of Institutional Economics 6:01 (2010), p. 117. DOI: 10.1017/S174413740999021X.

¹⁶ Смысл существования (франц.).

зон территориального развития¹⁷, соглашения об осуществлении того или иного вида деятельности на территории ОЭЗ, соглашение об управлении особой экономической зоной и т. д.

Слабая предсказуемость событий как юридических фактов, ставшая своего рода «визитной карточкой» нового десятилетия XXI века, неминуемо оказывает влияние на исполнение гражданско-правовых обязательств инвесторов и реципиентов. В связи с этим особое внимание в современном правовом регулировании уделяется их обеспечению – ситуация на мировом инвестиционном рынке вызывает к жизни не столько самые гибкие, сколько самые надежные из способов обеспечения исполнения обязательств инвестора перед государством, такие как залог и независимая (банковская) гарантия. Так или иначе, формы обеспечения исполнения обязательств находятся в сфере действия именно норм гражданского права.

Таким образом, нормы гражданского законодательства, несмотря на свой общий характер, абстрактные формулировки и значительный рост удельного веса норм публичного права в инструментарии правового регулирования инвестиционных отношений играют достаточно важную роль в правовом регулировании инвестиционной деятельности. В целом нормы гражданского законодательства непосредственно или опосредованно оказывают влияние на инвестиционный климат в стране и зачастую играют определяющую роль при принятии инвесторами решений об осуществлении собственно инвестиционной деятельности на территории, где они применяются.

Библиографические ссылки

1. Абарина М.Д. Потестативные условия сделки в некоторых договорных обязательствах // *Власть Закона*. 2017. № 4. С. 202–211.
2. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2018.
3. Зинченко С.А. Проблемы правового статуса хозяйственного общества и его членов, заключивших корпоративный договор // *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом* : сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции (22 апреля 2015 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред.

¹⁷ Таких, например, как предоставление резидентам в аренду земельных участков и предоставление государственных гарантий Российской Федерации по обязательствам юридических лиц (пп. 3 п. 2 и пп. 1 п. 3 статьи 13 Федерального закона от 03.12.2011 № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2011, № 49 (ч. 5), ст. 7070.

С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского. М. : Юстицинформ, 2015.

4. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М., 1975.

5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0].

6. Luis Díez-Picazo y Antonio Gullón, Sistema de derecho civil: vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.). Madrid, 2001.

Дата поступления: 22.06.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.3.10

CIVIL LAW PROVISIONS TO REGULATE INVESTMENT ACTIVITIES

SHUVALOV Igor Ivanovich

Candidate of Sciences (Law), Chairman of the State Development Corporation “VEB.RF”, Moscow, Russia. E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Purpose: The article analyzes the Russian Civil Code provisions from the point of view of their influence on legal regulation of investment activities. Methods: the author uses methods of literal interpretation, teleological (target) interpretation of legal provisions, and general science methods of analysis, induction and deduction. Results: It is noted that most major investment projects assume the following model of interaction between investors and recipients – the initial agreement of approximate terms of interaction and the conclusion of a bulk of civil contracts necessary for the project implementation at the second stage of cooperation. In this regard, special attention is paid to such civil law agreements as a preliminary agreement and a framework agreement. The institution of agreement to grant an option to conclude a contract, otherwise called an option to conclude a contract, as well as an option contract are designated from the position of a kind of “guarantee” of the investor’s and capital recipient’s rights. The article concludes that the importance of the principle of protection of the “weak” party to the contract is increasing. At the same time, the concept of legislative regulation of relations between the parties to contracts, which are often used by both investors and recipients of capital investments, has undergone a significant change. In addition to that, the author emphasizes that “in favor of debtors” orientation of Russian legislation is gradually being corrected by creating numerous exceptions to protect creditors' rights. This decision is

intended to comply with the principle of balancing economic interests of parties to legal relations.

Key words: civil law; investment activities; investor; recipient; civil contracts; corporate law; bankruptcy.

References

1. Abarinova M.D. Potestativnyye usloviya sdelki v nekotorykh dogovornykh obyazatel'stvakh (Potestative conditions of a transaction in some contractual obligations), *Vlast' Zakona*, 2017, No. 4, pp. 202–211.
2. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnyye itogi (Reform of Russian civil legislation: interim results), 2-ye izd., ispr. i dop, Moscow, Statut, 2018.
3. Zinchenko S.A. Problemy pravovogo statusa khozyaystvennogo obshchestva i yego chlenov, zaklyuchivshikh korporativnyy dogovor (Problems of the legal status of a business society and its members who have concluded a corporate agreement), *Aktual'nyye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom*, sbornik nauchno-prakticheskikh statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (22 aprelya 2015 goda, g. Moskva), Ye.A. Abrosimova, V.K. Andreyev, L.V. Andreyeva i dr., pod obshch. red. S.D. Mogilevskogo, M.A. Yegorovoy. Moscow, RANKhiGS pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. Yuridicheskiy fakul'tet im. M.M. Speranskogo, Moscow, Yustitsinform, 2015.
4. Lunts L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Osobennaya chast' (Course of private international law. The special part), Moscow, 1975.
5. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateynny kommentariy k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (Transactions, representation, limitation of actions: article-by-article commentary to articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation), V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin i dr.; otv. red. A.G. Karapetov, Moscow, M-Logos, 2018, [Elektronnoye izdaniye. Redaktsiya 1.0].
6. Luis Díez-Picazo y Antonio Gullón, Sistema de derecho civil, vol. III. Ed. Tecnos (7a. ed.), Madrid, 2001.

Received: 02.03.2020